

глава 9

НЕ У ДЕЛ

ОБЫЧНЫЙ ЗУГДИДСКИЙ ПАРЕНЬ

Грузинский дневник

Я — обычный зугдидский парень. Честно говоря, мне сейчас немного трудно говорить в микрофон, но не знаю, что заставило. Хотя постараюсь рассказать о своей ежедневной жизни. А в моем лице — и о жизни моих друзей. Я представляю один из зугдидских районов, где достаточно молодых. Самое интересное, что мы причисляемся к огромной армии безработных — никто из нас не занят.

И днем и ночью мы находимся в нашем районе. На улице мы оборудовали красивую беседку — наподобие остановки. Но это не остановка, это место нашего пребывания, где мы то едим, то пьем... Когда как. Хорошим днем считаем, когда свет есть, мы уже так привыкли к улице, что все время там сидим. Хорошим днем также считается, когда у нас есть что пить — алкоголь, то водка, то вино. Потом пополняем стол: некоторые приносят хлеб, некоторые вино, кто-то еще какую-нибудь закуску. Но наш район находится рядом с Абхазией, у нас есть и беженцы из Абхазии.

Абхазия — край, известный куревом, которое называют марихуанной или коноплей, более распространенное название — «план». В последнее время, в такой период мы фактически только этим и развлекаемся. Некоторые телефон приносят, чтобы обменять, иногда деньги собираем, просим у родителей, якобы нужно то для чего, то для чего (*посмеивается*).

Недавно, такой факт произошел: мы курили, а в этот момент проезжали сотрудники полиции. Видимо, они засекли нас, ни у кого уже ничего и не было, мы не такие уж обеспеченные... Но они засекли процесс и потребовали тридцать литров бензина. Ну, и на улице женщина, наша соседка продавала бензин, мы и попросили у нее. И лишь через два месяца расплатились с долгом — платой за тридцать литров.

Вот, в такой бытности нам приходится жить.

Не знаю, наверное, и сейчас вернусь в свой район...

Да, еще у нас интересно обстоит дело с возлюбленными. Фактически, мы не выходим из нашего района. Двое женились. Как, спросите вы? Так как мы не выходим из района, влюбляемся в тех, кто приходит в гости к жителям района. Потому что с другими, фактически,

нет точки соприкосновения. В город выходим очень редко, девушек видим только на днях рождениях или других застольях соседей. И я, наверное, так... Уже два таких случая было: один удачный, другой неудачный — девушка не осталась, по этому поводу тоже целое дело было, чуть в тюрьму не посадили.

Фактически, мы и не можем уже выходить в город, потому, что уже и нет денег даже на то, чтобы погулять где-нибудь, купить что-то. В принципе, что у нас есть? Можем пойти на какой-нибудь бесплатный концерт, если в год раз-два проводят, или на концерт, на который мы приходим с опозданием, чтобы нам потом дверь открыли.

Фактически, мы застряли в районе и пропитаны вином, марихуаной и еще чем-нибудь. А потом еще спрашивают и ругают — почему курим?

Пусть трудоустроят нас, и никто не будет курить. Мы теряемся, нас это волнует, но фактически ничего поделать не можем.

Перевод с грузинского

НА ДИВАНЕ

Грузинский дневник

Эта история произошла пару лет назад. Был февраль месяц, собачий холод. Как у нас говорят, в такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выпустит. Лежа на диване, я думал, строил проекты, планы. И всякий раз, как только доходил до пункта финансирования, все обрывалось.

Ну, и такая дурная мысль пришла в голову: поеду на целину, подзаработаю. Будут стартовые деньги, начну какую-то работу. Тем более, что в кругу сверстников говорили о том же. Не имея никакой специальности, наверное, трудно устроиться где-нибудь. Работы не было. И вот решил, эта идея укоренилась в голове, но денег не было. Нашлись добрые люди, помогли, одолжили мне 300 долларов. С этими деньгами побежал в фирму, которая занимается визами. Стал ждать. Получил весточку о том, что все нормально, виза есть, и эта весточка окрылила меня, теперь надо было где-нибудь найти деньги на билет. Ну, и не мешкая позвонил своему родственнику в Москву.

Без всяких проволочек, где-то через день, я получил деньги. Купил билет, да еще опустошил домашний бюджет... на 50 долларов. Но оставил домашним очень большую надежду. Полетел в Москву. Сначала все мои расчеты почти что оправдались. Сделал регистрацию. Не помню, сколько заплатил. И осталось денег еще где-то на дней десять — прожиточный минимум, думал, что через десять дней я найду работу, и все будет нормально. Ну, в принципе, так и получилось.

Я нашел работу, тогда думал, что она подходящая для меня. Но дней через десять разыгралась ненастная погода. Мы лежали на диване, так же, как и у меня дома, я все сравнивал... Ну, и через дней десять вышел на работу. По договору в месяц мне было положено 400 долларов, я обрадовался, думал, что где-то 100 долларов потрачу, как минимум 300 отложу. Вот и хорошо! Работа, конечно, была тяжелая — бери на лопату побольше, кидай подальше. По моему глубокому убеждению, такую работу должен выполнять какой-нибудь механизм. Мне просто совестно было оставить эту работу, не хотел подводить тех, кто был рядом, а также и тех, кто надеялся на меня дома.

В общей сложности — месяц работали, месяц отдыхали, работу не находили. В итоге, я отложил где-то долларов 1300. 200 долларов я послал домой на пропитание, расплатился с долгами, которые занял у родственников и друзей, купил себе куртку и 350 долларов также послал домой — на дрова. Купил билет обратно, одним словом, прилетел домой почти что без денег в кармане.

Мои бизнес-планы и проекты так и остались лежать нетронутыми на том же диване!

ЧАЙ ЗА 250 МАНАТ

Азербайджанский дневник

Мне 56 лет. У меня два образования: педагогическое и медсестры. Но жизнь так сложилась, что я вынуждена продавать чай на остановке 107-ой маршрутки. Я сидела в одном уголке и продавала горячий чай.

Однажды пришли учителя, живущие в здании, у которого я продаю чай, и заявили, что это их зона, что здесь сидеть нельзя. Я перешла в другой угол, ближе к саду. Теперь стал жаловаться комендант общежития. Сад наш, сказал он, и там запрещено сидеть.

Ну, что же мне делать? Куда пойти? Если я продаю один стакан чая за 250 манат, то представьте, сколько мне нужно продать чаю, чтобы зарабатывать 10 или 20 тысяч манат. Они видят, что я зарабатываю с таким трудом, и не разрешают мне торговать.

Большую часть дня с 9 утра до 6 вечера я сижу на этой остановке под открытым небом и продаю чай. Профессор-эколог, живущий в этом здании, иной раз говорит о том, что надо любить природу, птиц, все живое. Но живых людей так мучают, что не дают просуществовать. Я попросила его, чтоб он разрешил мне здесь посидеть, хотя это была не его территория. Отказал!

Никто не думает о том, что пожилая женщина из-за нужды стоит на улице. В такой холод мужчины даже не выходят на улицу, не то чтобы я, женщина, стою и продаю, чтобы вечером купить себе хотя бы два килограмма муки!

ОФИЦИАНТКА

Карабахский дневник

Приехала я сюда около девяти лет назад. Жила с матерью, с родителями. Потом уехала в город — два года назад. Вышла замуж, гражданским браком жили с мужем. Когда родила ребенка — девочку — мы с мужем разошлись. Ей еще сорока дней не было... После этого, естественно, ребенка надо кормить, растить и так далее. А так как я только школу закончила, здесь устроиться очень трудно. Даже если устраиваешься — зарплата маленькая, жить невозможно.

Официанткой пошла, потому что каждый день ты имеешь левые деньги — на свои потребности, вообще, на день это хватает — чтобы прокормить ребенка... На питание сама не зарабатываю, потому официанткой устроилась: это выгоднее здесь. Большинство людей стараются, даже взрослые под сорок лет женщины — и они работают официантками. *(отдалённо слышен шум проезжающей машины, голоса птиц, разговор ребёнка)*. Поэтому приходится держать няню. Снимаю квартиру. Конечно, на все это нужны деньги. Если не будет няни, я не смогу работать: помощи, естественно, неоткуда мне ждать, так как я одна. Поэтому работаю, ну, сейчас пойду учиться заочно. Я хочу на менеджера учиться, менеджером стать. И плюс — изучаю философию, психологию человека. И уже нормальную, стоящую работу найду.

Жизнь вообще здесь тяжелая в этом вопросе — в вопросе работы. Здесь, в основном, по благу, либо за деньги. А людям, у которых нет таких возможностей, приходится что-то проще искать. Кто подметает улицы, кто уборщицей в какие-то места нанимается, в основном, на лето — самый сезон, когда можно делать деньги. Или официантами — в бары, в основном, все тянутся. Просто нет работы. Кого надо — устраивают, а людям без связи здесь просто не устроиться. Четыре года надо постараться, дотянуть...

Здесь просто человек существует — не живет. Такой регион страны, где тяжело. Тем более, послевоенное время — это еще тяжелее. Хотя многие добиваются чего-то большего...

Потом, конечно, отучусь, поеду в Россию, и там уже больше возможностей у меня лично устроиться. Там у нас уже свои связи, все-таки — это родина...

РАБОТА В ДЕРЕВНЕ

Южноосетинский дневник

Заканчивая университет, я и в мыслях не могла предположить, что когда-нибудь я поеду работать в деревню. Но так вышло, что после окончания университета, ну, не знаю, у меня был зуд какой-то, что ли, я очень хотела работать преподавателем и именно работать с детьми. Ну, не было места, не было работы.

И вот я как-то по телевизору слышу объявление, что вакантное место преподавателя немецкого языка в деревне. Мысленно подумала, интересно, представь себе, я топаю в деревню. Для меня деревня — было что-то очень отдаленное. Я выросла в городе, очень редко бывала в деревне и в походы никогда не ходила, так, часто болела.

Я решил, пока родителям ничего не говорить, договорилась с сотрудницей, которая работала там врачом. Она сообщила там уже директору, и вдруг она подходит ко мне в один день и говорит: «Все, тебя там ждут».

Это было так неожиданно, но отступить тоже не хотелось. Я про себя просто решила, что если я переступлю эту черту, потом переступлю и все остальные сложности, которые будут встречаться на моем пути. И сказала своим родителям. Они были в шоке. Ну, потом я их уговорила, и они успокоились, типа пойдешь один, два дня, потом все равно перестанешь ходить.

Утром рано я встала в шесть часов. Темно, это было в ноябре. Идет дождь со снегом. И пошла на вокзал. Меня провожали собаки. Они как бы сделали мне эскорт, спереди и сзади, и проводили меня до самого вокзала. Я еще подумала: «О! Примета какая хорошая». Обычно говорят: если тебя провожает куда-то собака, значит, ты идешь удачно. Когда автобус тронулся, я как бы раздвоилась и смотрю на себя — это не ты, пока не поздно, возвращайся.

Потом уроки закончились, а до автобуса оставалось еще два часа. На остановке холодно, идет то дождь, то снег, кругом слякоть, грязь, не передать. И тогда бывший директор этой школы мне говорит: «Вот видишь, ты сейчас тоже испугаешься этой непогоды, этой грязи, и больше не придешь».

Я приехала домой уставшая, завалилась, проспала четыре часа как убитая. Проснулась, и мои родители такие довольные: «Ну как? Будешь еще ехать? Ты же рукой не можешь шевельнуть!» А я про себя подумала, ну, что ж, буду ездить до тех пор, пока не привыкну, а потом посмотрим.

Так я пошла и во второй раз, и в третий раз, и в четвертый раз. Постепенно-постепенно я начала привыкать. Особенно трудно было привыкнуть к перемене воздуха. У меня постоянно болела голова, и из носа шла кровь. Просто без адаптации мне там бывало хреново.

Я езжу три раза в неделю, и в субботу не бывает обратного рейса. И мы с моей напарницей, она была учительницей биологии, обычно возвращались автостопом. А когда позволяла погода, мы возвращались пешком. Я помню, я протопала около тринадцати километров на каблуках. И когда мы пришли в село Тбет, там был родник, там была огромная лужа, я помню, я не разуваясь прямо вошла в эту лужу. Ощущение было такое... не описать! Правда, потом их пришлось выбросить.

Дети в деревне очень внимательные, чистые. Я помню, как я хотела разжечь печку, и старшеклассник смотрит, смотрит и говорит: «Учительница, вы так ее никогда не разожжете». И он мне показал, как надо класть дрова, чтобы была тяга и печка загорелась. Я не помню, чтобы они дерзили. Или когда они хотят что-нибудь взять из учительской, они постучатся, потом отходят на шаг назад, что-бы, не дай Бог, не заглянуть в святая святых — учительскую. Мне они очень нравятся. И, наверно, поэтому я осталась уже столько лет работать в этой деревне.

Меня все спрашивали — у тебя там, наверно, очень большая зарплата? Но это было, как бы сказать, доказательство самой себе, что я могу что-то делать.